

**Глобальный тренд XXI века:
детерриторизация философии**

© 2020 г. С.С. Хоружий

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, 173003, Антоново, д. 1.*

E-mail: horujy@bk.ru

Поступила 29.01.2020

Сегодня ведущий тренд философского процесса – «детерриторизация философии», перемещение фокуса философствования из области собственно философских понятий и проблем в области других, смежных дискурсов и дисциплин. Налицо и более общий феномен: детерриторизация выступает как универсальный механизм, активный во всех частях и на всех уровнях глобальной системы; причем среди многих векторов ее действия имеются три решающих для будущего этой системы – детерриторизация в виртуал, в космос и в эсхатон. Намечена программа комплексного исследования современной детерриторизации философии, и в качестве ее начального этапа проделан анализ хорошо известного примера – детерриторизации философии в науку. Указано, что ход развития отношений философии и науки следует общей парадигме чередующихся фаз сциентистского натиска, стремящегося подчинить философию науке, и философского отпора, всякий раз утверждающего заново несводимую аутентичность и автономию философского разума. Анализируются новейшие этапы этого чередования, начиная с натиска синергетики. Показано, как научные формации, сменяющие синергетическую парадигму, такие как парадигма аутопойезиса и энактивизм, усовершенствуя свою эпистемологию, приобретают характер полноценной конструктивистской философии. Тем не менее философский отпор имеет критические аргументы и по отношению к ним.

Ключевые слова: философия, наука, эпистемология, детерриторизация, апофаза, синергетика, аутопойезис, энактивизм, сциентизм, конструктивизм.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-45-57

Цитирование: Хоружий С.С. Глобальный тренд XXI века: детерриторизация философии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 45–57.

Global Trend of the 21st Century: the Deterritorization of Philosophy

© 2020 Sergey S. Horujy

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240,
Russian Federation; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
1, Antonovo, Velikii Novgorod, 173003, Russian Federation.*

E-mail: horujy@bk.ru

Received 29.01.2020

Leading trend of the philosophical process is today the deterritorization of philosophy, that is the displacement of the focus of the philosophizing from the area of properly philosophical concepts and problems to areas of other discourses and disciplines. A more general phenomenon takes place too: the deterritorization becomes a universal mechanism, which acts in all parts of the global system and on all its levels. Among many vectors of the deterritorization the following three are of prime importance for the future of the global system: the deterritorization to virtual reality, to cosmos and to eschaton. The program of the complex study of the deterritorization of philosophy is outlined and, as the first stage of this program, the analysis of the deterritorization to science is performed. We find that the development of the relationship of philosophy and science follows the paradigm of alternating phases of scientific onset trying to subordinate philosophy to science and philosophical rebuff, which restores anew the irreducible authenticity and autonomy of philosophical mind. The latest stages of this alternation are analyzed, starting with the onset of synergetics. We show, how scientific formations that came after the synergetic paradigm such as the autopoiesis and the enactivism improved gradually their epistemology and acquired form and nature of sound constructivist philosophy. Nevertheless the philosophical rebuff finds that they do not overcome essentially old scientism, which is unacceptable for philosophy.

Keywords: philosophy, science, epistemology, deterritorization, apophasis, synergetics, autopoiesis, enactivism, scientism, constructivism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-45-57

Citation: Horujy, Sergey S. (2020) “Global Trend of the 21st Century: the Deterritorization of Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 45–57.

Взгляд на философскую ситуацию сегодня замечает странную вещь: в наши дни философствование почти не занимается философией, всеми коренными и фундаментальными проблемами, что были в сфере *Philosophia prima*, а занимается главным образом проблематикой, принадлежащей разным другим областям знания. Это странно, поскольку философствование, по самому определению, не может отказываться от философских задач! Фундаментальные проблемы философии не могут уйти, быть сняты, ибо в них – имманентные, неотъемлемые вопросы самосознания и самоопределения человека и человечества, или, как раньше выражались, вопросы о смысле жизни, смысле существования человека и мира, вопросы о бытии и Боге. И если мы не видим их прямой постановки, открытого обсуждения и анализа – это может означать лишь одно: их постановка, обсуждение и анализ теперь почему-то осуществляются иначе, не прямо, а косвенно, какими-то обходными способами и окольными путями. Понятно, что это весьма меняет картину философствования и характер философского процесса.

Подобная смена была, разумеется, замечена самой философской мыслью. В первую очередь, о ней говорили французские авторы, поскольку в последние десятилетия философствование имело наибольшую активность во Франции. Текст Алена Бадью с громким названием «Манифест философии» (1989) открывается заявлением о том, что сегодня большинство философов «утверждает, что философия невозможна, исчерпана, передана в ведение чего-то иного» [Бадью 2003, 9]. На этом основании он начинает ставить слово философ в кавычки и, развивая дальше свою идею, пишет: «Почти все наши “философы” пребывают в поисках окольного письма, побочной поддержки, косвенных референций, дабы уклончивым образом перейти к захвату позиций на считающейся необитаемой философской территории» [Там же, 10]. Здесь уже четко зафиксировано явление решительного ухода философствования в область, на территорию других, смежных дискурсов и дисциплин; однако подробный анализ этого явления представил уже не Бадью, а Делёз. Именно он вводит термин «*детерриторизация*», широко затем распространившийся и ставший важным понятием.

Делёз строит особый концептуальный аппарат, или дискурс детерриторизации, вводя целый ансамбль ассоциированных с ней понятий. Детерриторизация у него – понятие, принадлежащее общей семиотике, характеризующее любую знаковую систему и тем самым выходящее далеко за рамки философии. Элементы всякой знаковой системы, всякого дискурса он наделяет свойством или предикатом *территориальности*, отнесения к некоторой области условного дискурсивного пространства. Если наделение определенным значением данного предиката есть детерриторизация, тогда лишение, отобрание этого значения – детерриторизация, а наделение некоторым другим значением (возможно, тем же, что прежде) – ретерриторизация. Возникающая триада понятий *территоризация* – *детерриторизация* – *ретерриторизация* служит зачатком, ядром дискурса нового типа: можно сказать, что она сама осуществляет детерриторизацию философии, охватывая весь универсум гуманитарных – а, возможно, и не только гуманитарных – дискурсов и открывая путь думать по-новому. У Делёза и Гваттари множество образцов такого нового подхода, и ради примера я приведу два самых кратких. «Любой человек – в любом возрасте, как в бытовых мелочах, так и в самых ответственных испытаниях – ищет себе территорию, переживает или сам осуществляет детерриторизации, а затем ретерриторизируется практически в чем угодно – воспоминании, фетише, грезе» [Делёз, Гваттари 1998, 88–89]. Другой пример: «Если пытаться определить, в чем своеобразие мира древних греков, то следует задуматься о том, какого рода территорию они учредили, как детерриторизовались, в чем ретерриторизовались, а для этого придется определить и характерные для греков типы (например, тип Друга?)» [Там же 1998, 89]. Начинает складываться цельный дискурс детерриторизации, где основными концептами служат «образование территорий, векторы детерриторизации, процессы ретерриторизации». Вводится также понятие «скорости детерриторизации», различаются детерриторизация относительная и абсолютная, и т.д.

Мы, однако, не станем описывать концептуальный аппарат детерриторизации. Нам важно лишь указать, что этот аппарат есть и что он демонстрирует универсальность, общесемиотическую природу феномена детерриторизации. Раскрыть же мы хотим роль этого явления в сегодняшней философии. Чтобы понять эту роль, следует сначала увидеть общий контекст, в котором сегодня разворачивается детерриторизация философии. Обозревая ведущие процессы и тренды сегодняшней глобальной реальности, мы убеждаемся, что во всех ее сферах главные, определяющие явления и события можно рассматривать как происходящие под знаком детерриторизации, на базе этого механизма. Мы обнаружим детерриторизацию всюду, она может иметь любые векторы, говоря в терминах Делёза.

Так, явная детерриторизация произошла в понимании человека. По новым представлениям, человек формирует свою личность и идентичность уже не из собственной и самодостаточной «сущности человека», но входя в отношения с Другим, который и выступает в качестве формирующей, конституирующей инстанции. Отказ от сущности человека, которая принадлежала ему самому, и принятие примата Другого, который

конституирует человека, будучи внешним для него, есть вынесение вовне, то есть детерриторизация конституирующего центра и принципа человека. Антропологическая детерриторизация иного рода разыгрывается в наши дни в виртуальных практиках. Здесь детерриторизация является весьма яркой и наглядной: человек покидает территорию актуальной реальности и выходит в виртуал. Далее, обращаясь к социальному уровню реальности, мы находим новые виды детерриторизации. Виртуализация человека приводит здесь к кризису и разрушению традиционных институтов общественного устройства, таких как политика, право, международные отношения, регламентированное ведение войн, и все эти деструктивные процессы можно с полным правом относить к детерриторизации, к оставлению территории традиционного общественного порядка. Это – сегодняшние, текущие процессы, и векторы детерриторизации в них определяются сейчас, на наших глазах: мы видим, что детерриторизация совершается в область так называемых *пост-феноменов*, – воцараются пост-политика, пост-демократия, пост-идеология, а также, что наиболее важно, пост-этика и пост-истина. Последние два вида – уход с территории этики и с территории истины – чреватые самыми радикальными последствиями, так что мы еще боимся всерьез их признавать. Но они происходят! И несут с собой новый опыт личного и общественного одичания, или же расчеловечения человека. И все это тоже – проявления, облики сегодняшней детерриторизации.

А дальше еще идут самые масштабные и глобальные ее виды. Человечество меняет свои отношения не только с непосредственной окружающей средой, но и с Космосом, Универсумом. В новейшие практики человека вовлекаются уже не только вся наша планета, и даже не только Солнечная система, но и собственно Космос. При этом в квантовой космологии исследования космоса смыкаются с исследованиями микромира. В ускорителях, что стали сегодня «столкновителями», коллайдерами, реализуются уже процессы на уровне фундаментальных взаимодействий, на которых строится космос. Действуют также программы поиска контактов с внеземными цивилизациями. И т.д. – так что есть основания говорить о наступающей *детерриторизации в космос*.

Но параллельно с техническим прогрессом разворачиваются глобальные процессы совсем иного рода, ориентированные не к светлому космическому будущему, но к финалу, концу существования человечества. В современной реальности замечаются и все настойчивей заявляют о себе симптомы приближения конца, эсхатологические черты. Эсхатологические темы, мотивы присутствовали в культуре всегда, но традиционно они оставались малозаметны и маргинальны. Предсказатели конца мира и толкователи Апокалипсиса были в числе любимых мишеней насмешек в литературе и публичном пространстве. Сегодня это все изменилось. Эсхатология, речь о «последних вещах», признана серьезным делом, к ней направляется внимание философии и политики. Появилась и часто звучит формула «ренессанс эсхатологии». За этим изменением отношения стоит серьезность эсхатологических проявлений. К ним явно относится накопление средств массового уничтожения людей, эти средства становятся все мощнее, и они уже накоплены в безумном количестве. Одновременно разрушаются институты сдерживания агрессии и насилия, и в итоге вероятность тотальной гибели человечества в конфликте с применением таких средств реальна и все растет. Эсхатологический характер носят и многие ведущие тренды современности, которые, как мы заметили выше, толкают к расчеловечению человека. Отдельно надо назвать практики, направленные к созданию Постчеловека, существа, которое должно заменить собой человека: как самоочевидно, вся тема о Постчеловеке есть эсхатологическая тема. Как можно считать, все основные современные тренды группируются в единый «Тренд Ухода Человека», который пока беспрепятственно набирает силу. В целом, уже сложился явный эсхатологический драйв – и есть основания говорить о наступающей *детерриторизации в эсхатон*.

Вся эта внушительная картина современных видов детерриторизации подводит нас к выводу, что детерриторизацию можно и должно понимать обобщенно. Это не какое-то частное явление, в ней заключена универсальная парадигма происходящего

в современном мире. Мы видим, что налицо некий всеобщий механизм, действующий на всех уровнях и во всех частях глобальной системы. В особенности существенны три вида, что мы отметили последними: детерриторизация в виртуал, в космос и в эсхатон. Здесь – три крупнейших, радикальных и притом новых выхода человека и человечества за пределы, к смене границ. Этот процесс выхода за пределы, движения и смещения границ – всеобщий и вездесущий, он разворачивается в человеке, обществе, во всем мире. Уместно тут вспомнить знаменитый стих Пастернака, где он описывает, как в Страстную Пятницу «Сады выходят из оград, / Колеблется земли уклад: / Они хоронят Бога». Страстная Неделя и в особенности Страстная Пятница символически и литургически воспроизводят эсхатологические события, смерть Христа, и можно сказать, что в наших терминах, этот стих – об эсхатологической детерриторизации.

В итоге, мы достаточно убедились во всеобщем характере и масштабе детерриторизации. Конечно, она происходила всегда, но в современном мире она обретает новый размах, новое значение: она становится тем суммирующим понятием, что выразило в себе смещающуюся и колеблющуюся природу сегодняшней реальности. Констатируя это, перейдем к рассмотрению детерриторизации в философии.

* * *

В целом, здесь надлежит последовательно рассмотреть основные виды детерриторизации, в которых осуществляет себя современное философствование. Эти виды многочисленны и разнообразны: философия одновременно культивирует сегодня самые разные векторы детерриторизации, что говорит о ситуации интенсивного поиска, в котором пока не определилось преобладающее, наиболее перспективное направление.

Сама по себе детерриторизация философии – несколько не новое явление. Да, сегодня она стала доминирующей философской стратегией и основой философской ситуации, обрела важную роль, какой не играла прежде. Но отдельные виды и проявления ее были и раньше, в предшествующие эпохи. В первую очередь, необходимо напомнить и подчеркнуть, что в известном смысле детерриторизация философии предшествует самой философии. Действительно, зарождение и формирование философии всегда с неизбежностью происходит на некоторой питательной почве, в лоне некоторой до-философской умственной и духовной стихии (которую часто отождествляют со стихией мифа). Разумеется, история мысли усиленно и со многих сторон анализировала генезис философии из до-философской стихии, но наряду с другими подходами мы можем также с полным правом рассматривать этот генезис и как детерриторизацию философии, ее бытование на некоторой смежной пред-философской территории. Такую точку зрения проводит Делёз, который, вводя термин «префилософское» для до-философской стихии, пишет: «Философия всегда полагает нечто префилософское или даже нефилософское – потенцию Всецелости, подобной волнуемой пустыне, которую заселяют концепты. “Префилософское” не означает чего-либо предшествующего, а лишь нечто не существующее вне философии, хотя и предполагаемое ею. Это ее внутренние предпосылки» [Делёз, Гваттари 1998, 55].

Итак, уже в античных истоках западного философствования обнаруживается определенная детерриторизация – а именно в «префилософское». Делёз не рассматривает ее связь с мифом, но фиксирует ее у Платона как «виртуальный образ уже-помышленного, которым дублируется каждый актуальный концепт» [Там же], и в дальнейшем этот способ детерриторизации воспроизводится в русле платонизма. Затем, как детерриторизацию философии в префилософское можно интерпретировать столь же древний *анофатический путь*, *Via negationis*: здесь, в апофазе, философия в своих базовых дискурсах сущности и бытия конституируется через установление отношения с некоторой недоступной территорией, условно характеризуемой как сверхсущностное и сверхбытийное. Долгое время апофаза служила одной из наиболее продуктивных эпистемологических парадигм, имея немалую популярность. В отчетливой, эталонной форме она представлена у Псевдо-Дионисия в начале VI в., и впоследствии мы найдем

ее многочисленные примеры в философии Средневековья, позднейших мистических учениях и др. Так, яркий образец апофатической детерриторизации – учение Якоба Беме об Ungrund, «бесосновой основе» и «беспричинной причине» Бога и бытия.

Однако далее, в период классической метафизики, философия в своем главном русле отказывается не только от апофатической детерриторизации, но и от стратегии детерриторизации вообще, концентрируя все внимание на собственной территории, на основоустройстве философского способа. И в ходе углубления самих оснований философии Гегель совершает деконструкцию, а с нею и устранение апофазы. В самом деле, его диалектика бытия и ничто может рассматриваться как альтернатива и как прямая антитеза апофазе: исток и начало философии здесь явно артикулируются и эксплицируются, вместо того, чтобы относить их к недоступной для философии апофатической территории. Но в последующем, с кризисом и уходом классической метафизики, стратегия детерриторизации постепенно начинает возвращаться вновь. При этом возврат детерриторизации в апофазу едва ли имеет место, поскольку она несет слишком характерную печать архаического и средневекового мышления; но можно заметить другие способы детерриторизации в префилософское. К примеру, в современности Делёз усматривает такую детерриторизацию у Хайдеггера в его «преконцептуальном» и «преонтологическом» понимании бытия. Здесь, впрочем, можно находить и некоторую близость к апофазе, особенно явную в предложении Хайдеггера (в работе «Вопрос о бытии», 1948) писать слово «бытие», перечеркивая его крест-накрест в знак недоступности бытия.

Мы неслучайно оговорили выше, что в эпоху классической метафизики отказ от стратегии детерриторизации происходит именно «в главном русле» философствования. Выйдя за пределы этого русла, мы обнаружим, что на протяжении действительно большей части этой эпохи, и особенно активизируясь к ее концу, в философии все же практикуется определенная детерриторизация – а именно **детерриторизация в науку**, – хотя, действительно, она играет в философском процессе лишь вторичную роль.

Понятно, что ее развитие порождалось и стимулировалось прогрессом науки. По мере неуклонного и уверенного подъема естествознания в Новое время и вступления Запада в полосу технологических революций складывается новая конфигурация отношений между всеми составляющими в комплексе европейского знания. Влиятельную роль приобретают когнитивные парадигмы и эпистемологические установки точного естествознания. Как показал Хайдеггер, их становление связано тесной и обоюдной связью с приходом господства современной формации техники как «поставы» (Gestell), которое, в свою очередь, означает вытеснение, маргинализацию отношения человека к бытию. Лидирующая роль научно-технического прогресса в жизни общества и научного мышления в познании и культуре настойчиво толкала к детерриторизации философии в науку. Как постепенно выясняется, такая детерриторизация может иметь многие и разные векторы; со временем появляются новые и новые стратегии и виды детерриторизации в науку. С углублением кризиса классической метафизики и по мере ее ухода в прошлое детерриторизация в целом наращивает свое значение, и, в частности, уже в наше время отдельные виды детерриторизации в науку оказываются в ряду влиятельных и популярных направлений в философии. Далее мы бегло рассмотрим тот путь, который прошла эта детерриторизация.

На ранних стадиях детерриторизации в науку строились, как правило, в русле прямолинейного **сциентизма** – позиции, которая видит в естественных науках единственный эталон достоверного познания и, соответственно, целиком подчиняет философский дискурс, философский разум научному разуму и дискурсу в той или иной их формации. В дальнейшем, однако, они прошли значительную эволюцию, в основе которой легко заметить простой механизм, – конкуренцию двух взаимно противоположных факторов. Во-первых, почти каждое новое впечатляющее продвижение естественных наук получало отражение в философии, стимулируя появление новой волны и новой формации сциентизма, тенденции к подчинению философии науке. Но, во-вторых, с другой стороны, в философии происходило последовательное углубление

методологической и эпистемологической рефлексии, которая все отчетливее показывала и закрепляла принципиальные, неснимаемые различия подхода к реальности и когнитивных парадигм в философии и в науке. Взаимные отношения этих двух формобразующих тенденций можно передать строкой Пушкина: «Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый».

Первый исторический пример этой парадигмы научного (точнее, естественнонаучного) натиска и философского отпора можно видеть в соотношении Ньютоновой «натуральной философии», стоящей на математических началах, и Кантовой трансцендентальной метафизики, которая как бы в ответ развертывает цельный способ аутентично философского, отнюдь не натуралистического познания, характеризуемого виртуозной архитектурой трансцендентальных предикатов. Дальнейший натиск производят термодинамика и теория электричества в середине XIX в.: они сказались в философии рядом концепций типа «энергетизма» В. Оствальда, где утверждалось, что «энергия – единственная субстанция мира». В этот же период тенденцию сциентизма представляют «первый», или «классический», позитивизм Конта – Милля, рассматривающий философию как «теорию науки», а также естественнонаучный материализм Бюхнера и целого ряда других философствующих естественников. (Как мы помним из нашей классики, их взгляды, по сути, попросту примитивные, пользовались огромным авторитетом, принимались почти как Священное Писание в России, в кружках разночинцев и интеллигенции. Бедное отечество наше!) Затем существенный вклад вносит Дарвинова теория эволюции, на базе которой возникает влиятельная философская формация сциентистского характера. Сложившись еще в конце XIX в. трудами Томаса Хаксли и др., она активно развивается и дебатруется в течение всего XX в., сохраняясь до наших дней как набор разнообразных модернизированных форм (синтетическая теория эволюции, эмерджентная эволюция и др.).

С началом XX в. продолжающийся наплыв сциентистских концепций начинает сопровождаться критической рефлексией, проявлениями «философского отпора». Одно из первых таких проявлений – эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, в котором сциентистская абсолютизация научного познания сочетается с постановкой в центр эпистемологических задач исследование истоков и структур опыта. Сформированные здесь установки необходимой критики и очищения опыта были в немалой мере восприняты в научном сообществе, послужив началом преодоления старого сциентизма с его лобовым натурализмом и редукционизмом. В дальнейшем это преодоление продолжилось в многочисленных исследованиях структуры науки, научного знания и научного развития, которые интенсивно осуществлялись в XX в. В теориях Поппера, критикующего «физикалистский редукционизм» и намечающего систематический орган научного знания, в философии процесса Уайтхеда, в концепции «личностного знания» Полани и ряде других концепций научной рациональности **детерриторизация в науку достигает уровня современной когнитивной культуры**. Но вместе с тем она сохраняет и сциентистскую ориентацию. Продолжается «натиск пламенный», рождаются все новые поражающие воображение научные открытия и теории – и тенденция к тому, чтобы философию поставить под эгиду науки, нисколько не исчезает. Доминирующее влияние, конечно, оказывают физико-математические науки, которым принадлежат самые громкие открытия XX в.: в начале столетия – теория относительности, специальная и общая, в середине – квантовая механика и квантовая теория поля, а ближе к концу – уже целый букет: квантовая космология, генетика, синергетика, когнитивная и компьютерная наука. Все эти направления порождают философские концепции, которые в целом носят сциентистский характер, но стремятся также учесть специфику философского познания и предмета, не разрушая и не вытесняя философский дискурс, а реорганизуя и реконфигурируя его на базе естественнонаучных методов и понятий. К примеру, еще в начале XX в. так возникает «физический идеализм», сочетающий понятия и идеи новой тогда релятивистской физики с эпистемологическими установками эмпириокритицизма. Подобные позиции представлял, в частности, такой крупнейший ученый и мыслитель, как Анри Пуанкаре, сам один из создателей релятивистской теории.

Различные версии «эпистемологически усовершенствованной» детерриторизации в науку появляются на всем протяжении XX в., сопровождая все ступени прогресса естественных наук. К концу века некоторые из них достигают довольно высокой эпистемологической организации. Сейчас мы дадим краткую характеристику наиболее важных видов детерриторизации в науку, что возникали в последние десятилетия и все еще сохраняют актуальность.

Начать здесь, безусловно, следует с синергетики. Это широкое междисциплинарное направление, существующее с 70-х гг. прошлого века и имеющее весьма размытые рамки ввиду большого разнообразия его ветвей, школ и приложений. Вместе с тем, можно здесь выделить определенное идейное ядро. Началась синергетика с того, что в двух разных областях физики – в лазерной физике и неравновесной термодинамике – были описаны процессы одного и того же типа, в которых возникали явления самоорганизации. Обобщая результаты исследований, их лидеры Герман Хакен и Илья Пригожин открыли общую динамическую парадигму, которую мы кратко сформулируем так: *В открытой системе, выведенной далеко из обычных равновесных режимов, поток внешней энергии может вызвать возникновение новой динамики самоорганизации, которая генерирует более когерентные и дифференцированные динамические структуры и производит радикальное переструктурирование системы.*

Помимо большого поля физических выводов и приложений это открытие толкало также и к эвристическим выводам, и к философским обобщениям. Действительно, синергетическая парадигма говорила о процессах, где встречаются и взаимодействуют два разных вида или потока энергий, внутренние и внешние, – утверждая, что такие взаимодействия способны вызвать неожиданно крупные эффекты, с радикальной перестройкой системы. Понятно, что сходные ситуации встречи и взаимодействия внутренних и внешних энергий можно найти не только в физике, но в самых разных областях и для самых разных видов систем – в том числе, в деятельности сознания, в социальных и исторических процессах, в культурных практиках и т.д. и т.п. На этом основании **можно пытаться трактовать синергетическую парадигму как философскую парадигму.** В 80-е и 90-е гг. по этому пути в России пустилось множество философов и других гуманитариев, а также и естественников: последовала лавина работ со всевозможными приложениями синергетики к гуманитарным наукам; появлялись высказывания в том роде, что будущее мировой философии лежит в синергетике... На Западе, однако, подобного массового поветрия не наблюдалось, и это говорит в пользу Запада – ибо вся эта внезапная и лавинная детерриторизация философии в синергетику была слишком мало обоснованной.

К созданию философского фундамента синергетики прилагались известные усилия, и они не были безрезультатны. Был разработан ряд базовых понятий, таких как *открытая, сложная, саморазвивающаяся система, самоорганизация, бифуркация, дихотомия порядок – хаос* и др.; сформулирован ряд эпистемологических принципов, как то: *холистичность, рекурсия*. Но это были лишь отдельные элементы, которые далеко не образовывали цельной философской концепции; а кроме того, бурная экспансия синергетики в гуманитарную сферу лишь в слабой мере руководилась этими концептуальными достижениями. Большую часть ее составляли поверхностные работы, которые жонглировали модной терминологией, порой гранича с фантазиями, а порой просто спекулируя на громкой теме; библиография предмета пестрит такими названиями, как «Синергетика и соборность», «Религиозная модель синергетики», «Синергетика искусства» и т.п. В то же время оставались нераскрытыми действительно глубинные связи синергетической парадигмы с гуманитарной проблематикой, прежде всего с концепцией синергии в греческой патристике. А вдобавок, и философский фундамент был не только неполон, но и грешил неприкрытым сциентизмом, сплошь и рядом выдавая за философию понятия, принципы и положения физики или других наук. В целом, на данной стадии синергетика еще явно не была «эпистемологически усовершенствованной» детерриторизацией в науку.

В дальнейшем, однако, она сумела достичь такого усовершенствования. В XXI в. синергетика заметно модифицируется, выходя далеко за пределы «синергетической парадигмы», как она сформулирована выше. На первый план выходит более общее понимание синергетики как «теории сложных систем», или «науки о сложности», а главным ее рабочим полем становится концепция *аутопойезиса*. Она, как известно, возникла тоже на конкретной научной базе: в 70-х гг. чилийцы Умберто Матурана и Франсиско Варела выдвинули эту концепцию в качестве описания универсальных механизмов «живого», то есть биологических систем. Однако она изначально строилась с гораздо большей обобщенностью и гораздо меньшей привязкой к конкретным процессам и системам.

Ядро концепции – определенная динамическая парадигма, которой дается следующая краткая формулировка: аутопоэтические системы – это «...системы, которые в качестве единств определяются как сети производства компонентов, которые (1) рекурсивно, через свои интеракции, генерируют и реализуют сеть, которая производит их, и (2) конституируют в пространстве своего существования границы этих сетей как компоненты, которые участвуют в реализации сети» [Maturana 1981, 21]. Утверждается, что в этой формулировке выражены главные определяющие свойства живых систем. Но «живая система» – это не только единичный биологический организм, животный или растительный, общество и человек – также живые системы. Поэтому концепция аутопойезиса в принципе более приспособлена к применениям в сфере гуманитарных дисциплин, нежели синергетика в ее начальной физикалистской форме. Кроме того, здесь сразу же направлялось внимание на эпистемологию, которая понималась обобщенно и расширительно: реализация рекурсивных отношений в сети интерпретировалась как активное познание, и, соответственно, концепция аутопойезиса осмысливалась как некоторая когнитивная парадигма, отчего другим ее названием стала «эволюционная эпистемология». Но надо учесть сразу, что здесь предполагается новая трактовка познания, которая, в отличие от всей западной философской традиции, не связывает его с мышлением и разумом (или, возможно, сам разум здесь тоже понимается как-то радикально иначе). Такое понимание познания восходит к Конраду Лоренцу, основателю этологии, который считал, что многосторонняя активность, необходимая всякому живому существу для осуществления жизненных функций, должна рассматриваться как познание, и выдвинул соответствующий тезис: *Жизнь есть познание, Life is cognition*.

Как и синергетическая парадигма, парадигма аутопойезиса – если угодно, второе поколение синергетики – также оказалась весьма продуктивной, причем в данном случае препятствия на пути к гуманитарным приложениям были менее значительны. Поэтому, в частности, сложился плодотворный диалог между этой парадигмой и *теорией социальных систем* Никласа Лумана, которая сегодня прочно вошла в теоретический фундамент современной социологии. Социальные системы, по Луману, – во многом того же типа, что аутопойетические системы, однако между биологическими и социальными системами есть ряд принципиальных различий, которые обсуждались в личных беседах Лумана и Матураны. Как подчеркивал Луман, «...коммуникация (то есть, социальный механизм. – С.Х.) осуществляется через свои собственные различия и не имеет ничего общего с химическими или физическими феноменами» [Луман 2007, 116].

Но особенно точно найденным оказался ключевой концепт *сети*, который в дальнейшем был широко подхвачен и стал, пожалуй, центральным и интегрирующим понятием целого нового способа мышления, еще только формирующегося сегодня. Нельзя не признать, что он как нельзя лучше отвечает сегодняшней реальности, где каждый из нас видит, как он все больше сводится к агенту, который осуществляет некоторый набор операций и отношений в различных сетях, куда он вовлечен, начиная с сети Интернет. Поэтому никак не случайно, что одновременно с теорией аутопойезиса и независимо от нее развивается *акторно-сетевая теория* Бруно Латура. Как и Луман, Латур рассматривает социальные системы, предлагая их гетерогенное описание, в которое включаются не только люди, но и «не-человеческие факторы», такие как

объекты, процессы, идеи, и набор сетевых отношений включает отношения между всеми этими факторами, – отчего теория Латура называется также «материальной семиотикой». Латур – мыслитель французской школы, и те исследования, что он проводит на базе своей теории – исследования деятельности Луи Пастера и истории борьбы с инфекциями, социальной роли ученых и инженеров, институтов государственной власти и пр., – примыкают по типу к исследованиям Фуко, да и всей французской традиции истории науки. Центральное же понятие сети близко у него к знаменитому понятию ризома, или грибницы в философии Делёза и Гваттари.

Явственным образом, во всем множестве работ, базирующихся на парадигме аутопойезиса и на понятии сети, намечается некоторый определенный общий подход. Это – подход в рамках системной теории, имеющий уже свой фонд основных понятий и парадигм, таких как *открытость/закрытость*, *операция*, *самоорганизация*, *самореферентность*, *рекурсия* и *рекурсивная петля* и т.д. Здесь есть своя концепция причинности – *циклическая причинность*, согласно которой причина и следствие обоюдно влияют друг на друга. Именно эта форма причинности соответствует процессам самопроизводства и самоорганизации. И есть, как мы сказали уже, своя концепция познания – «лоренцева», самореферентная, отождествляющая активности познания и поддержания жизни. – Такой подход полностью соответствует тому, что называют **конструктивизмом**, или конструктивным руслом в современной философии. В этом русле полностью отбрасываются дискурс сущностей и дискурс ценностей, а в центр выдвигаются сети и в них – операционные отношения между интерактивными когнитивными агентами, которые сменили старого субъекта познания. Здесь действует мощный современный тренд к сетевому и конструктивистскому мышлению, к которому принадлежит также и компьютерное, и ИТ-мышление. Описанная нами версия конструктивистского подхода, связанная с парадигмой аутопойезиса и рассматривающая в качестве когнитивных агентов любые живые существа, носит предложенное Ф. Варелой название «**энактивизм**». Этимологически, это буквально означает «в-действие»: ключевым моментом Варела считает то, что когнитивный агент входит в окружающую среду, «в-действуясь» в нее, включаясь в ее сети операционных действий. Можно, если угодно, считать, что энактивизм есть синергетика в третьем и на сегодня последнем поколении.

Обращаясь же к идейной основе этих детерриторизаций философии в науку, мы можем заметить, что во всех поколениях они сохраняют несколько не скрываемую печать сциентизма. Описывая достоинства новейшей *детерриторизации в энактивизм*, Е.Н. Князева пишет, что в последнем осуществляется «...двусторонне направленный, циклический процесс офилософствования науки и онаучивания философии, отвечающий современной тенденции развития философского знания. Синергетика, будучи трансдисциплинарным направлением... вторгается в философию. В то же время синергетика... онаучивает философию, вносит свежую струю в теорию познания» [Князева 2014, 8]. Но вот что, к примеру, пишет Никлас Луман, в целом вполне расположенный к синергетике: «Тезис оперативной закрытости (близкий к принципу самореферентности и вместе с ним – базовый для теории аутопойезиса. – С.Х.) подразумевает радикальное изменение в теории познания, а также в предполагаемой онтологии... становится ясно, что [данный тезис] влечет за собой разрыв с теорией познания, которая принадлежала к онтологической традиции и полагала, что нечто из окружающего мира проникает в познающего, так что окружающий мир таким образом репрезентируется, отражается, имитируется или симулируется внутри познающей системы» [Луман 2007, 118]. Можно ли считать, что разрыв – это внесение свежей струи? Критических аргументов в адрес философских позиций синергетики (всех поколений) высказывалось немало, и вкуче они рождают тот вывод, что «струя в теорию познания», вносимая синергетикой, – весьма сомнительной свежести: господствует в этой струе все тот же застарелый сциентизм. И потому по отношению к новейшим явлениям по-прежнему сохраняет силу и актуальность отнюдь не новая критика детерриторизаций в науку, издавна присутствующая в философской традиции и особенно последовательно

выдвигавшаяся ее классиками, от Платона и до Хайдеггера. Напомним в заключение ее основные вехи.

В истоке критической линии, как мы сказали, – Платон, который в диалоге «Государство» впервые провел разделительную грань между философией и наукой, подвергнув решительной уценке разум «...тех, кто занимается геометрией, счетом и тому подобным» (Государство 510b). В этой же линии и Гегель; но сейчас мы рассматриваем лишь современность. В середине XX в. указанная критика – один из важных сквозных мотивов Гуссерля в его финальном «Кризисе европейских наук». Так передает задачу этого труда Вальтер Бимель, его первый исследователь и публикатор: «Показать, как науки, отбирающие место у философии, неизменно оказываются несостоятельными, поскольку от них остается (и не может не остаться) скрытым их собственный смысловой фундамент... это составляет основную задачу Гуссерля» [Бимель 2013, 14]. Сам же Гуссерль развивает подробную аргументацию, показывая принципиальную невозможность корректной и полноценной постановки главных, коренных проблем философии на базе «объективных наук»: ибо этим наукам по самой их природе присущ «натуралистический объективизм». Как он полагает, «...пытаться обсуждать трансцендентальные проблемы на наивно-объективной почве и методом объективных наук означало бы попасть в замкнутый круг абсурдности» [Гуссерль 2013, 336]. В эпоху «Кризиса», в 30-е гг., лидерство в научной мысли прочно принадлежало физике (вкупе с математикой), и потому непосредственным предметом критики Гуссерля оказываются «физикалистский объективизм» как эпистемологическая установка, «физикализм» как форма сциентизма и стратегия детерриторизации в науку и «методический идеал физикализма». Заключает же он так: «Только слепота в отношении трансцендентального... делает в наши дни возможным возрождение физикализма... Называть физикализм философией означает лишь выдавать омонимию за решение наших познавательных затруднений» [Там же, 431]. Очевидно, что наряду с «физикализмом» 30-х гг. эта критика равным образом относится и к позднему физикализму синергетики, и к более общим формациям сциентизма в теории аутопойезиса и в энативизме. За приведенной цитатой у Гуссерля вскоре идут выразительные слова – последние слова в последней книге философа: «Присущее предельному самопониманию познание может быть только... самопониманием в форме философии» [Там же, 442].

Затем критику детерриторизации в науку продолжил Хайдеггер. По сути, его критика стоит на тех же основаниях, что критика Гуссерля, однако она проводится категоричней и резче. В одном позднем интервью он говорит так: «Сегодня то, что называют философией, редко бывает чем-либо иным, кроме как отпечатком технической идеологии, заимствующим методы, свойственные физике и биологии. Это не является подлинным философским вопрошанием» [Хайдеггер 1991, 157]. Суть же и квинтэссенция его критики – это очень известный пассаж в «Was heisst Denken?» (1952), главные места которого я все-таки приведу. «Наука не мыслит. Она не мыслит, ибо по способу своего действия и своим средствам, она никогда не может мыслить по образу мыслителей... Это не недостаток ее, а преимущество. Оно одно лишь дает ей возможность внедриться исследовательским способом в современную предметную сферу... Отсюда следует далее, что наука, как и всякое деяние и пребывание человека, зависима от мышления. Отношение науки к мышлению лишь тогда истинно и плодотворно, когда становится зрима пропасть (die Kluft), имеющаяся между наукой и мышлением, и притом зрима как такая пропасть, которую не замостить. От науки к мышлению нет мостов, только прыжок. Там, куда он нас принесет, не только другая сторона, но совершенно другая местность» [Heidegger 1967, 7–8]. Как видим, здесь онтологическая эгида и эпистемологический приоритет философии утверждаются в самой предельной степени, предполагающей несоизмеримость и несопоставимость философии и науки, бездну меж ними, абсолютно разную их местность (völlig andere Ortschaft – дискурс детерриторизации у Хайдеггера). Может казаться, что это уже чрезмерный, утрированный максимализм, однако тут есть простое рациональное зерно: указание на то, что в мышлении как таковом и мышлении философском имеются некие измерения

или аспекты, которые отсутствуют в науке. Указание это – не риторическое, в корпусе текстов Хайдеггера оно предметно фундировано, и считаться с ним следует.

Наконец, линия не иссякла и в наши дни. У Хабермаса мы вновь обнаруживаем ее, хотя и в более умеренном выражении, чем у Хайдеггера. Хабермас критикует «системы описания естественнонаучного происхождения», находя, что «...они ставят перед собой задачу ввести в жизненный мир отчуждающие самоописания» [Хабермас 2008, 389]; критикует он также «физикалистские и другие сциентистские убеждения», расценивая их как маргинальные. В целом, позиции его критики могут рассматриваться как близкие к критике Гуссерля.

Итак, в европейской философской традиции мы видим устойчивую линию, где последовательно воспроизводится критика в адрес детерриторизации в науку, и критика весьма принципиального рода. Мы привели очень разные ее примеры, но у них всех есть общее, которое для краткости я бы выразил на шахматном языке: можно утверждать, что для философии детерриторизация в науку всегда есть некая *жертва качества*, онтологического и эпистемологического, и притом жертва безуспешная, не приводящая к дальнейшему выигрышу. Но ситуация в философии и «пламенный натиск» сциентизма ныне таковы, что современные опыты детерриторизации философии нередко пренебрегают этой критикой, невзирая на ее основательность и на авторитет ее авторов. Синергетика – совсем не единственный пример тому. Подобный путь избирает и Алан Бадью, выступающий с откровенно сциентистской апологией математизации философии (ср.: «Мое предложение – отождествить онтологию, то есть дискурс о бытии, с математикой» [Бадью 2013, 131]).

Обозревая в заключение все сказанное, можно сделать вывод, что детерриторизация философии в науку – это слишком близкая детерриторизация: близость дискурсов препятствует ее зрелищеской ценности и перспективности. С одной стороны, в силу этой близости всегда возникали и будут возникать так называемые стыки дискурсов, очаги междисциплинарного взаимодействия. Они необходимы и плодотворны, однако такие локальные очаги не представляют еще детерриторизации философии в науку. В глобальном же аспекте, когда речь именно о детерриторизации в науку философии в целом, как таковой, – всегда неизбежна указанная опасность утраты качества. Природа науки действительно во многом близка природе философии, и за счет этого легко возникает иллюзия, будто философия без ущерба для себя может воспринять природу науки, «онаучиться», как выразилась – и что приветствовала – Елена Николаевна Князева. Детерриторизация в науку всегда под угрозой сциентизма и всегда содержит некоторый его элемент, и потому это – всегда в чем-то спорная и сомнительная, редуцирующая детерриторизация. Ситуация здесь напоминает неизбежные конфликты и раздоры близких соседей. Поэтому оптимальная стратегия дискурсивного взаимодействия должна быть иной.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Бадью 2003 – Бадью А. Манифест философии / Пер. с франц. В.Е. Лапичкого, СПб.: Machina, 2003 [Badiou, Alain, *Manifeste pour la philosophie* (Russian translation 2003)].

Бадью 2013 – Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / Пер. с франц. Д. Кралечкина, М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013 [Badiou, Alain, *La Philosophie et l'Événement*, entretiens avec Fabien Tarby (Russian translation 2013)].

Бимель 2013 – Бимель В. Предисловие издателя // Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. С. 5–16 [Biemel, Walter, *Einleitung des Herausgebers* (Russian translation 2003)].

Гуссерль 2013 – Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013 [Husserl, Edmund, *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie* (Russian translation 2013)].

Делёз, Гваттари 1998 – Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998 [Deleuze Gilles, Guattari, Felix. *Qu'est que la philosophie?* (Russian translation 2003)].

Луман 2007 – Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007 [Luhmann, Niklas. *Einführung in die Systemtheorie* (Russian translation, 2007)].

Хабермас 2008 – Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской. М.: Весь Мир, 2008 [Habermas, Jürgen. *Der philosophische Diskurs der Moderne* (Russian translation 2008)].

Хайдеггер 1991 – Хайдеггер М. Интервью журналу «L'Express» (20–26 окт. 1969) // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 146–158 / Пер. с нем. Н.С. Плотникова. М.: Высшая Школа, 1991 [Heidegger, Martin, Interview à L'Express, 20–26 octobre 1969 // Heidegger, Martin. *Feldgespräch* (Russian translation, 2003)].

Heidegger, Martin (1967) *Was heist Denken?* in Heidegger, Martin, *Vorträge und Aufsätze II*, Neske Verlag, Pfullingen, S. 3–18.

Maturana, Humberto (1981) “Autopoiesis”, *Autopoiesis: A theory of living organization*. North Holland, New York, pp. 21–33.

Ссылки – References in Russian

Князева 2014 – Князева Е.Н. Энактивизм: Новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.: Центр Гуманитарных Инициатив, 2014.

References

Kniazeva Elena N. (2014) *Enactivism: a New Form of Constructivism in Epistemology*, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ХОРУЖИЙ Сергей Сергеевич – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Author's Information

HORUJY Sergey S. – DSc in Philosophy, Principal Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.